

2010

Мое главное родовое наследство

Слово о моих родителях

М.Е. НИКОЛАЕВ,
ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
31.10.2010

Михаил НИКОЛАЕВ

Мое главное родовое наследство
Слово о моих родителях

г. Якутск
2010

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ	5
ВСЕМУ ГОЛОВА	8
ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ МАМИНА ЛЮБОВЬ	12
ДУША И СЕРДЦЕ НАШЕЙ СЕМЬИ.....	17
И ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ	19

Ефим Федорович и Мария Михайловна
НИКОЛАЕВЫ

МОЕ ГЛАВНОЕ РОДОВОЕ НАСЛЕДСТВО

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ

Однажды, находясь в гостях в городской квартире у знаменитого якутского певца Ивана Прокопьевча Степанова, я обратил внимание на новые необычные детали интерьера его жилища: нехитрые плотницкие и столярные инструменты, якутский нож, охотничьи канкан и ловушка, коса, торбаса, одежда были красиво и со вкусом разложены и развешаны так, словно это были экспонаты в зале музея народного быта. Хозяин перехватил мой недоуменный взгляд и заулыбался, по всему видно было, радуясь моему вопросу. Он повёл меня вдоль необычной цепочки старинных предметов, в которой, как оказалось, были выставлены на всеобщее обозрение необычные семейные реликвии: орудия крестьянского, охотничьего труда и семейного быта родителей певца – потомственных крестьян, скотоводов, охотников и рыболовов. Почти все вещи были сделаны их руками. Отцовские рубашка, шапка, торбаса, например, были сшиты матерью.

Иван Прокопьевич увлекательно рассказывал о каждом дорогом ему предмете. У каждой вещи оказалась своя собственная история, а если учесть непревзойдённый талант, артистизм рассказчика, то, не скрою, я испытал необычное волнение. Меня тронула простота и величие идеи Ивана Прокопьевича – через предметный мир вечно хранить живую память своей семьи, фамилии, своего рода. Думаю,

многочисленные дипломы и награды, высший орден нашей республики Полярная звезда, принадлежащие Ивану Прокопьевичу, уже сегодня достойно пополняют сокровищницу фамильных реликвий Степановых.

В шутку я заметил, что здесь будет очень не хватать его любимого красного петушка. Иван Прокопьевич не смог скрыть своего крайнего удивления: откуда мне известна эта история? А я просто вспомнил одно из его замечательных интервью многолетней давности, давно опубликованное в газете, где певец рассказал журналисту историю из своего далёкого детства.

Он рассказал, что однажды его, совсем ещё малыша, привели на праздник Новогодней ёлки. Он замер от великолепия сверкающих игрушек на колючих словых ветках, и это заметил старик с большой белой бородой и белыми усами, в красной шапке и красной шубе. Он усадил растерявшегося Ваню к себе на колени и стал негромко напевать тойук, а потом снял с ёлки самую красивую игрушку -- красного петушка -- и подарил юному гостю. Ваня был невероятно счастлив весь вечер. На ночь взрослые уложили его спать, а сами продолжили праздновать встречу Нового года. Утром его наспех одели и увели домой, забыв взять подарок. Но Иван Прокопьевич до сих пор помнит тот случай и видит в нём мистический смысл: ведь Дед Мороз, сам того не подозревая, предсказал ему судьбу певца, о чем он никогда и не помышлял, мечтая стать и выучившись на театрального художника.

Я невольно подумал о своих отце и матери, о дедушках и бабушках, о том, что также бережно храню многие любимые ими предметы, например, мамину чайную чашку с ложечкой, также старые фотографии, несколько старых книг, но только не разместил их отдельной экспозицией в каком-нибудь шкафу и не показываю своим гостям. Мамину чашку, например, наполняем её любимым чаем с молоком и ставим на столе в день её рождения. Вспомнил я также друзей, которые бережно хранят семейные иконы, Евангелие,

другие священные книги. В конце концов, называют именами родителей своих детей и внуков.

В большинстве семей так или иначе бережно хранят вещи, принадлежавшие их горячо любимым отцу или матери, дедушке или бабушке, и передают эту любовь и память сердца своим детям и внукам. Замечательная традиция, не потерять бы её в мире, переполняемом лавинами товаров, всевозможных вещей.

ВСЕМУ ГОЛОВА

Отец мой, во святом крещении Евфимий Феодорович, – в советском звучании Ефим Фёдорович – Николаев родился в Хагасском наслеге пригородного района города Якутска 17 декабря 1905 года по старому стилю, что соответствует 30 декабря по новому стилю. Мне удалось найти сохранившуюся в архивах запись об этом в метрической книге Хагасской Богородской церкви. Там же указаны родители отца - мой дед и бабушка: «Феодор Андреевич Николаев и законная жена его Анна Семёновна, оба православные». Таинство крещения моего будущего отца состоялось 22 декабря по старому стилю в той же церкви. Обряд исполнил священник Никита Данилов при участии неаломщика Георгия Винокурова. Восприемником, крестным отцом, кумом, младенца стал неизвестный мне Георгий Петрович Карамзин, видимо, хороший друг семьи.

Сведения о дедушке и бабушке по отцовской линии были обнаружены в сохранившемся в архивах посемейном списке граждан Багарадского наслега Западно-Кангаласского улуса. Составленный в 1927 году документ имеет запись о том, что Николаев Фёдор Андреевич, глава семьи, 56 лет, Анна Семёновна – его жена, 50 лет, Елена – дочь (моя тётя), 8 лет.

Дед с бабкой жили своим крестьянским трудом. Перед началом коллективизации на селе они держали в своём хозяйстве три дойные коровы, одного бычка, двух телят, имели 6 десятин покосов и 1,5 десятины пашни. В современной деревне таких крестьян становится

всё меньше – слишком много физического труда, разных хлопот, и очень мало доходов.

Но крестьянский подвиг деда и бабушки видится мне из короткой записи того времени в анкете отца, заполненной для Якутской областной контрольной комиссии ВКП(б). На вопрос о семейном положении и составе семьи мой будущий отец собственноручно пишет: «4 человека, включая меня. Мать Анна Семёновна, 53 года, слепая. Отец Феодор Андреевич, 59 лет, хромой. Сестра Елена 10 лет. Все неграмотные, нигде не работают». На вопрос: «Какой в хозяйстве имеется инвентарь(плугов, борон, жаток, веялок, косилок, молотилок)» отвечает лаконично: «Ничего нет».

Да, в те далёкие годы крестьянину жилось несладко. Я восхищаюсь силой духа своей слепой бабушки Анны Семёновны. Через год после рождения моего отца дед уехал за счастьем на Ленские золотые прииски в Бодайбо Иркутской области, рассчитывая хорошо заработать и на эти средства обзавестись крепким хозяйством. Молодая жена Анна Семёновна осталась одна с грудным младенцем на руках и своей 80-летней матерью, добывая пропитание для всех черновой работой у купца Жиркова.

Замечу, что богатые золотом Ленские прииски привлекали многих жителей Якутии, мечтавших поправить свое материальное положение. Был среди них даже великий якутский мыслитель Алексей Елисеевич Кулаковский, как известно, так и не разбогатевший в Бодайбо.

Восточно-сибирский клондайк, на который уповал мой дедушка, не принёс семье никакой радости: лишь через пять лет Фёдор Андреевич вернулся в родное село гол как сокол, с пустыми руками и пустыми карманами, да с пагубным пристрастием к выпивке: на золотых приисках, едва ли не самой ходовой, валютой был спирт. Долгое время после возвращения с приисков он оставался обузой для своей и без того голодной семьи.

Мой отец потом с грустью вспоминал о своём раннем детстве, как о годах беспросветной нужды. Поэтому, поступив в

приготовительный класс Якутского реального училища лишь в 10-летнем возрасте, он старался заниматься изо всех сил и стал, закончив учебу, по тем временам, достаточно грамотным, даже образованным человеком. Действительно, читая его письма, сохранившиеся автобиографию, заполненные анкеты, я восхищаюсь красотой каллиграфии – таким красивым почерком теперь никто из молодых не пишет, - восхищаюсь также лёгкостью, даже некоторым изяществом, стиля его письма, изложения мыслей. Одинаково грамотно владел русским и якутским языком.

Якутское реальное училище давало неплохие базовые знания и навыки. Снова замечу, что это же училище ранее закончил А.Е.Кулаковский-Ёксёкюлгээх.

Мой отец был, несомненно, одарённым человеком, и повернись для него жизнь как-то иначе, мог бы добиться в жизни гораздо большего. С 16 лет грамотный юноша работал секретарём наследного совета, а через пять лет был призван в Красную Армию, в части особого назначения по борьбе с бандитизмом. Служил под командованием легендарного командира Ивана Яковлевича Строда.

В Красной Армии прошёл хорошую жизненную школу, возмужал. В нём открылись организаторские способности. После демобилизации вернулся в родное село и занялся организацией коллективных крестьянских хозяйств. Начинал с восьми бедняцких хозяйств, а через четыре года в его артели объединились уже 150 хозяйств. Дали артели имя красного командира Каландарашвили – это уже было признанием успехов.

Партийная организация не обошла его своим вниманием, заметила способного вожака и предложила ему вступить в ряды ВКП(б). В 1928 году, в возрасте 23 лет, Ефим Фёдорович Николаев был принят кандидатом в члены партии. Предложили должность инструктора в Западно-Кангаласском улусном исполкоме, избрали членом правления районного куста коллективных хозяйств, председателем земельной комиссии.

В то время стоял вопрос о переносе районного центра Покровск в другое место. Мой отец был с этим категорически несогласным. Он составил письмо в адрес руководства обкома, где аргументированно доказал нецелесообразность переноса. Мне удалось отыскать этот документ и передать его в Покровский районный краеведческий музей, где оно теперь и хранится.

Начиналась коллективизация в сельском хозяйстве страны. Обстановка накалялась. Партия проводила генеральную чистку своих рядов. Кампания требовала ярких поучительных примеров. Выбор пал на моего будущего отца: у него в тот год что-то не заладилось с заготовкой сена и пушнины, нашли ещё какие-то недостатки, и его заочно исключили из партии. Мало того, отдали под суд. К счастью, суд его оправдал за неимением состава преступления по всем предъявленным ему статьям, и он был снова восстановлен в рядах ВКП(Б).

Можно себе представить, что пережил в тот год мой отец, оказавшись под тяжелым катком жестокой командно-административной системы. Однако после этой встряски он, как ни в чем ни бывало, был направлен для работы уполномоченным в органах милиции. Но отец сослался на плохое состояние здоровья и вскоре перешёл из милиции на работу заведующим сектором наркомата социального обеспечения, был избран председателем профкома и даже ответственным редактором стенгазеты. Жизнь продолжалась

ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ МАМИНА ЛЮБОВЬ

Моя мама – Мария Михайловна Николаева – была на пять лет младше своего мужа, моего отца Ефима Фёдоровича Николаева. Она родилась 16 марта 1910 года в большой многодетной русской семье в селении Техпорском, что неподалёку от села Октёмцы, где впоследствии родился и я.

В этом году маме исполнилось бы 100 лет. Она не дожидаясь до векового юбилея совсем немного, до последних дней заботясь о нас – о своих детях и внуках, радуя и ободряя каждого своей чуть заметной, светлой и теплой материнской улыбкой.

Мамин отец, а мой второй дед Михаил Алексеевич Козлов, его жена Наталья Михайловна, моя вторая бабушка, были из тех русских старожилов, которые из поколения в поколение жили в якутской среде, переняли язык якутов, их нравы и обычаи, быт – отличаясь от коренного населения разве что славянской внешностью, светлыми волосами. Члены такой семьи старых русских общались между собой одинаково свободно как на русском, так и на якутском языках. Среди односельчан якутов они всегда были своими, во всём равными среди равных. Поэтому смешанные браки между русскими и якутами воспринимались как явление обыденное, ни у кого вопросов не вызывающее. Мир да любовь – вот и всё традиционное напутствие каждой такой влюблённой паре.

Мои родители остались жить в Октёмцах, приобрели себе юрту, при этом не забывали о больных родителях, помогали им вести

хозяйство. Семья стала расти: появились на свет мои старшие братья Ким и Клим, а третьим родился я. Можно себе представить, как много сил мы отнимали у нашей мамы, но социальному статусу домохозяйки. Она еще и подрабатывала уборщицей в сельсовете, вела домашнее хозяйство. Не помню, чтобы она хоть когда-то сидела сложа руки – весь день на ногах, от зари до зари в неустанных хлопотах.

Надо сказать, что и нам она не позволяла бездельничать. И мы помогали маме и отцу изо всех мальчишских сил. Впрочем, мы ничем не отличались от других сельских мальчишек и девчонок, работали рядом со взрослыми. Но было у нас, конечно, время и для детских игр и забав. Без них не бывает счастливого детства. Мы купались в великой Лене, ловили, сколько угодно, рыбы, ходили по ягоды и грибы, на охоту в тайгу. Я вспоминаю трудности жизни тех лет, несравнимую с современной обеспеченностью наших детей бедность и с радостью отмечаю, что всё равно всем нам было известно чувство радости и счастья. Мимо нас они не прошли. Мы умели улыбаться, смеяться и радоваться. И ещё я помню, что родители нас любили.

Перед самой войной, 25 сентября 1939 года вышло постановление СНК ЯАССР «О состоянии и мероприятиях по развитию рыбного хозяйства в Якутской АССР». В богатых рыбой местах, прежде всего, в нижнем течении великой Лены, в Заполярье, стали создавать рыбацкие колхозы, предприятия по переработке рыбы.

Отец загорелся желанием переехать на Север, в Заполярье, начать новую жизнь в новых условиях. Он до конца жизни оставался романтиком по духу. Мать была более прагматичной: она остерегалась переезжать на новое место, в тяжелые климатические условия Севера и Арктики с малыми детьми, туда, где полгода день, а полгода ночь, где постоянная острая нехватка жизненно необходимых товаров, жилья и топлива. Большой семье будет очень тяжело выживать в таких условиях. Но отец был непреклонен, и мы поехали, точнее поплыли на пароходе, всей семьей к Северному

Ледовитому океану. Он оказался таким же непоседой, как и его отец, а мой дед Федор Андреевич, который пытал судьбу на золотых приисках Бодайбо.

Вначале мы обосновались на Быковом Мысу, неподалёку от Тикси. Отец устроился работать на местном рыбозаводе, затем перешёл в рыболовецкую артель. Однако долго здесь не задержался и мы все вместе переехали в город Жиганск, расположенный выше по течению Лены и также славный своими рыбными угодьями.

Нас поселили в общую, на несколько семей землянку, вырытую прямо в крутом берегу Лены. Условия, мягко говоря, походные, никак не рассчитанные на жизнь семьи с маленькими детьми. Люди стали рыть себе отдельные землянки. Сделал это и наш отец. У нас появилось собственное нехитрое жильё Врытый в вечную мерзлоту деревянный сруб с потолком из брёвен в накат и с печкой посередине.

Много лет позднее я побывал на родине Юрия Алексеевича Гагарина в Смоленской области и там увидел очень похожую землянку. В ней жила семья Гагариных во время оккупации деревни фашистами. Немцы заняли их новый дом, построенный отцом перед войной, а хозяев дома с детьми выгнали во двор, на все четыре стороны. Вот тогда отец с матерью и вырыли землянку, чтобы не замерзнуть наступающей зимой. Так что мы с будущим первым космонавтом Гагариным в детстве жили в землянках.

Началась Великая Отечественная война. Отец получил бронь – призыва мобилизации на фронт из Жиганского района в начале войны не было. Однако трудовой фронт был тоже фронтом. Уже через полгода после начала войны, 6 января 1942 года, вышло постановление ЦК ВКП(б) «О развитии рыбного промысла в реках Сибири и Дальнего Востока» и соответствующее постановление Якутского обкома партии и СНК ЯАССР. В Жиганском районе развернулось строительство рыбоприемной и перерабатывающей базы, жилья для работников.

Требовались рабочие руки и строительные материалы. В конце лета 1942 года, буквально в наступающую зиму, доставили на Север

около 7000 тысяч человек спецпереселенцев из Ленинградской области и 5318 переселенцев из Чурапчинского района Якутии.

Конечно, я не помню событий того года по причине малолетства – мне ещё не исполнилось и пяти лет. Но с возрастом, по живым рассказам мамы, стал всё больше понимать всю невыразимую трагичность судеб тех людей. Наша семья, как я говорил, успела, обзавестись жильём-землянкой, как говорится, крышей над головой. Отец нашел работу, а вместе с ней хоть какой-то заработок, а в свободное время ловил рыбу или охотился. Мы рассчитывали пережить невероятно долгую зиму.

Переселенцев высадили на голый заснеженный берег Лены, в местах будущего строительства промышленных объектов и буквально бросили на произвол судьбы. Многие из них умерли от голода и холода. По воспоминаниям Героя Социалистического Труда Василия Михайловича Кладкина, бывшего мальчишкой в числе переселенцев из Чурапчинского района, выжившего и ставшего впоследствии директором передового оленеводческого совхоза, так вот его родители умерли от простуды и голода у него на глазах. Мальчик от всего пережитого надолго потерял дар речи, а когда она к нему вернулась, с ней навсегда осталось сильное заикание.

Родители позаботились о нас, своих детях, и мы остались живы и здоровы. Но вот отец, Николаев Ефим Фёдорович, бывший в ту пору председателем промысловой артели при Жиганском райсовете, был мобилизован на заготовку леса, сильно промок в ледяной воде и умер от крупозного воспаления лёгких в местной больнице. Ему было всего лишь 37 лет.

Бедная мама, как она смогла перенести эти удары судьбы, сохранить нас, своих малолетних сыновей – до сих пор не перестаю ею восхищаться. Прибавьте сюда неимоверную тяжесть для всех первых военных лет.

Мама приняла единственно верное решение: вернуться с детьми в Октёмцы, поближе к родственникам. Мне уже шёл шестой год, и я

довольно отчетливо помню многие картины окружавшего меня мира, возникавшие на пути нашего следования на пароходе по Лене.

Было интересно, но радости не было. Я уже привык к Жиганску, обзавёлся друзьями, мечтал пойти в школу и потому старательно слушал уроки отца, обучавшего меня чтению. И вот всё резко изменилось, и рядом нет ни верных друзей, ни самого сильного и умного папы. Он остался лежать в вечно студёной земле Заполярья. Осталась мама, братья и сестра. И вот мы плывём на пароходе по бескрайней водной глади гигантской реки среди бескрайних просторов родной земли. Что ждёт нас там, за далёким горизонтом? Мы не знали. Но мы твёрдо верили в то, что вместе, заботясь друг о друге, мы без страха войдём в наше неведомое будущее.

ДУША И СЕРДЦЕ НАШЕЙ СЕМЬИ

Мы выжили и встали на ноги. Главным спасительным средством для нашей семьи стала безграничная и всеобъемлющая любовь к нам нашей мамы – Марии Михайловны Николаевой. Она нашла в своём сердце пространство и для неисчерпанной любви к нам нашего погибшего отца. Мы продолжали слышать звучание твёрдого отцовского слова, вместе с тем, слова любви к нам. Сердце ведь не обманешь.

Мы все были разными по характеру, дети есть дети! - но мы были едиными в духе, жили в единодушии, в уважении и любви друг к другу. Мать и отец всегда хотели, чтобы мы чувствовали плечо друг друга, были готовы придти друг другу на помощь в трудную минуту. Думаю, это единодушие основывалось на единстве исповедуемых в семье ценностей. Семья всегда была нашим самым надёжным домом.

Родители сумели приучить нас к труду. С удивлением однажды заметил для себя, что за всю свою жизнь ни разу не слышал ни от кого упрёка в свой адрес -- упрёка в лени. Ни разу не отдыхал на море, не представляя себе своего продолжительного безделья на песчаном морском берегу, на пляже. Стараюсь не набирать в свою команду ленивых сотрудников. Такие люди склонны к безответственности, нет в них инициативы и творческой искры. А уж эгоизма, самомнения, изворотливости и циничности им не занимать.

Другая ценность – личный пример во всём, единство слова и дела. Пример подавали родители. Они не были мечтателями, никогда не обещали нам невозможного.

Все мы ценили свободу – свою и другого члена семьи. Мы советовались друг с другом, но поступали всегда по совести, по зову своего сердца. Мне, например, никто не навязывал выбор профессии, выбор для себя невесты, выбор друзей. Демократичными были и отец, и мать. Хотя не без строгости: принципы должны быть твёрдыми. К слову сказать, это свободолобие, стремление к самостоятельности в принятии решений, в действиях и поступках, желание быть хозяином своей судьбы позднее помогли мне в работе над известной Декларацией о государственном суверенитете республики.

Уважение к старшим по возрасту, толерантность воспитывались в нас личным примером родителей, разных даже по национальности. В нас воспитывали любовь к семье, к родине и Отечеству. А ведь это великие ценности.

В связи с этим замечу, что в нашей семье очень ценились народная традиция, язык, культура народа саха, русская культура. Могу с полным убеждением сказать, что наша семья всегда оставалась частицей, кирпичиком народа саха, кирпичиком великой федерации народов России.

И ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ

Снова и снова возвращаясь в своей памяти к моей маме, якутской крестьянке Марии Михайловне, я назову три святых для меня материнских имени.

Первая - Пресвятая Дева Мария, Богородица, давняя миру его Спасителя. Я, потрясенный, стоял в Иерусалиме на историческом месте, где почти две тысячи лет назад на глазах у родной матери распинали на кресте её ни в чем не повинного сына Иисуса Христа.

Вторая – русская крестьянка Анна Тимофеевна Гагарина, сын которой Юрий Алексеевич Гагарин стал первым посланцем человечества в космос. Этой великой матери благодарные граждане Якутии соорудили памятник на родине Гагариных.

Наконец, третье имя – это имя моей мамы Марии Михайловны Николаевой, открывшей мне дорогу в новую историю родной Якутии.

Ей было бы сейчас всего 100 лет. И эти 100 лет стали временем её материнского подвига, временем моих университетов жизни.

Вот какая крепкая в жизни была моя мама: она изо дня в день, из года в год, не покладая рук, весь свой долгий век жила неустанными заботами о всех нас. Всё ей было некогда хотя бы на минутку, присесть и отдохнуть от своих извечных материнских забот. Вначале хлопотала о своих детях, в том числе и обо мне, затем о внуках, а следом и о правнуках – когда уж тут ей было отдыхать! Да и родственников своих, друзей и знакомых она никогда не забывала

видел я, как она за всех волнуется, о всех молится, о всех печалится или за всех радуется в Боге, в своём сердце! Какая красивая, добрая и умная была и осталась в нашей памяти моя мама!

Помню, я ощутил себя самостоятельным человеком, закончив институт и получив диплом о высшем образовании. У мамы не было высшего образования. Может быть, это прибавляло мне некоторой самоуверенности, даже превосходства, казалось, что я сам теперь во всём разберусь, любую жизненную проблему решу самостоятельно. Мудрая мама никогда и не навязывала мне своё мнение, своё видение житейских проблем. Но почему-то во всех трудных ситуациях её решения были самыми правильными, и я шёл к ней за советом со своими печальями и радостями, как в детстве и отрочестве, так и в зрелом возрасте. По-настоящему я осознал, что мне всегда жилось спокойно и уверенно лишь только потому, что возле мамы меня никогда не покидало чувство житейской защищенности. Только мать может тебя понять до конца и до конца простить, чтобы с тобой в жизни ни приключилось.

И только в день её похорон я вдруг осознал со всей пронзительной ясностью, что я лишился этой защищенности, и теперь уже я становлюсь по-настоящему самостоятельным и ответственным за себя, за своих детей и внуков, за всю нашу большую семью. За советом и поддержкой к тебе, мама, я уже придти не смогу.

Мне вдруг стал также понятен, услышанный несколькими годами ранее, истинный смысл горьких слов моего друга над его усопшей матерью. Друг в каком-то отчаянии прошептал в тот раз со слезами: «Мама, мама, кто теперь за меня помолится!?!..»

Её завидное долголетие объясняется не только хорошей наследственностью, традиционным на протяжении минувших веков крепким физическим здоровьем и долголетием коренного населения Якутии. Или здоровым климатом, здоровым образом жизни, здоровой, экологически чистой национальной кухней, разнообразным физическим трудом на открытом воздухе, чистой водой и прочими

благоприятными внешними условиями. Всё это, конечно, как и природный запас здоровья, сыграло важную роль в её долголетию. Мама жила по традициям своих предков. И нас к этому с детства приучила.

Однако я отчетливо вижу и некоторые другие основания. Прежде всего, в её неизменном душевном и духовном равновесии, как говорят, в гармонии личности. Ей было ведомо истинное чувство христианской, материнской любви. Она никого не злословила, всех прощала и ни на кого не держала обиду, не знала отчаяния в самых тяжелейших жизненных испытаниях.

От неё я унаследовал якутскую народную заповедь, которую не устаю повторять с любых трибун и в любом окружении: «Не думай о другом плохо, не говори о другом плохо, не делай другому плохо». Без этого внутреннего душевного и духовного строя мама просто не вынесла бы без всякого внутреннего надлома всех тяжких испытаний, выпавших на её долю, на долю простой якутской женщины.

Не скрою, я радовал её своими успехами в учебе и в труде, в служении народу и республике, родной стране. Она, конечно, была счастлива видеть меня всенародно избранным первым Президентом родной Республики Саха (Якутия). Однако свою сыновнюю любовь я направил не только на её благополучие. Её жизненный пример научил меня смотреть на действительность гораздо шире и масштабнее и без всяких предубеждений.

Я старался и теперь стараюсь использовать все свои властные, политические возможности для того, чтобы улучшить экономическое и социальное положение женщины-матери в обществе, создать ей условия для выполнения своего долга, для осуществления главного подвига в своей жизни – долга и подвига материнства. В родной республике нам удалось сделать для этого очень много. Нам удалось поднять престиж женщины-матери на небывалую высоту.

Но и этого всё ещё недостаточно, чтобы можно было на том и успокоиться. Вот, когда семья с тремя и более детьми у нас займёт доминирующее положение в статистических сводках и будет

материально обеспеченной, вот тогда можно будет и порадоваться всем вместе.

Вспоминая свое детство и влияние моей мамы на моё образование и воспитание, я мысленно обращаюсь к молодым матерям со своими пожеланиями и наставлениями уже умудрённого жизнью человека. Оставьте непродуктивные споры нынешних пессимистов о смысле жизни. Займитесь главным делом женщины на земле: рождением, образованием и воспитанием детей. Вместе с супругом, с отцом детей созидайте большую прочную счастливую семью. Взаимная любовь между родителями, а вместе с ней взаимная любовь между всеми членами семьи при любых испытаниях даст добрые плоды. Ваши дети вырастут добрыми людьми, достойными гражданами великой страны.

Опираясь на авторитет отца, мать формирует, прежде всего душу ребёнка, его нравственность, духовную стойкость. Мать и отец создают детское сердце - главное своё творение.

Мои мать и отец - продолжатели нашего рода Николаевых, - ушли навсегда в жизнь вечную, оставив мне, их сыну, своё бесценное наследство: доброе имя, любовь и уважение знавших их людей. Они оставили мне свою любовь к родной земле, к моему народу, любовь к человеку. И никакого другого наследства мне не надо.

*М.Е.НИКОЛАЕВ,
ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ).*

М. Николаев

Моё главное родовое наследство
Слово о моих родителях

Ответственный за выпуск Ноговицын В.П.

Отпечатано в копировально-множительном отделе Управления оформления
и выпуска правовых актов Администрации Президента и Правительства
Республики Саха (Якутия)

*Подписано к печати 18.11.2010. Тираж 700 экз.
677022, г.Якутск, ул.Кирова 11.*